

УДК 81.115

РОЛЬ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИЗУЧЕНИИ АДЪЕКТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Э.А. Балалыкина

Аннотация

В статье рассматриваются преимущества сопоставительно-исторического метода при изучении адъективного словообразования родственных и «дальнеродственных» языков. В качестве примера, демонстрирующего преимущества этого метода перед сравнительно-историческим, приводится анализ словообразовательных структур прилагательных с древнейшими индоевропейскими суффиксами: **-no*, **-to*, **-lo*, **-mo*, **-isko* в славянских и балтийских языках. На большом фактическом материале демонстрируется близость разных языков на словообразовательном уровне, не совпадающая с их генетическим родством. Выдвигаются гипотезы относительно происхождения некоторых морфем и прежде всего **-isko* и **-sto*.

Синхронное словообразование славянских языков является, по словам И.С. Улуханова [1, с. 239], одной из успешно развивающихся дисциплин славянского языкознания. Как известно, уровень словообразования принадлежит к той сфере языковой структуры, в которой наиболее активно и непосредственно осуществляется процесс непрерывного развития языка. Именно эта область, по меткому замечанию В.В. Виноградова, является ареной сложного и разнонаправленного взаимодействия лексических и грамматических категорий. Особую роль при изучении словообразования родственных языков приобретает сопоставление продуктивных словообразовательных категорий, типов и моделей, которые ярко характеризуют деривационные потенции языка. Ещё больших научных результатов можно достигнуть при подобном сопоставлении, если привлечь исторические данные, рассмотреть словообразовательные процессы в ретроспективе. По словам В.Н. Ярцевой, «...если сравнительно-исторический метод, широко используя реконструкцию, восстанавливает прошлое языка, то сопоставительно-исторический метод, опираясь на генетическую общность сравниваемых языков, выясняет как сходные, так и различные черты в их историческом развитии» [2, с. 4].

Сопоставительно-исторический метод необходимо использовать при исследовании словообразовательных типов, по которым строятся слова определенной части речи, среди которых особое место занимают адъективы, как одна из древнейших именных категорий, своеобразно функционирующих во многих современных славянских языках. При всем кажущемся сходстве деривационных процессов в пределах этой категории слов, в каждом из родственных язы-

ков можно обнаружить собственный набор словообразовательных средств и собственные закономерности их употребления, что и определяет специфику каждого из языков. Эта специфика проявляется в различной степени активности тех или иных аффиктивных морфем, продуктивности/непродуктивности отдельных словообразовательных моделей и т. д. Сопоставительный метод, как известно, особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты выступают наиболее ярко на фоне сходных. «Деривационные закономерности близкородственных языков во многом сходны, имеются, однако, и существенные различия, как-то: несовпадение значимости идентичных словообразовательных типов в деривационных системах языков; может не совпадать и функциональная нагруженность идентичных формантов, из распределение по родовым классам, степень продуктивности» [3, с. 72]. Словообразовательные системы близкородственных языков характеризуются преобладанием сходств над различиями, обусловленным их генетической общностью. Именно в этой области сравнительного изучения славянских языков существует много нерешенных проблем, к числу которых необходимо отнести пока ещё недостаточное выявление основных тенденций в развитии отдельных словообразовательных типов, выяснение причин сходства и различий в их функциональных особенностях, которые помогли бы решить проблему происхождения тех или иных морфем на общеславянском уровне. Однако если на уровне родственных славянских языков словообразовательные особенности отдельных аффиксальных образований в той или иной степени изучены, то на уровне сопоставления с родственными языками, находящимися на большем удалении от славянских, к которым необходимо отнести прежде всего балтийские языки, основные словообразовательные типы прилагательных, к сожалению, практически не исследованы, особенно в ретроспективе. Однако именно историческое развитие соотносительных словообразовательных типов прилагательных в языках, находящихся на разных ступенях родства, демонстрирующее реальность того или иного процесса в каждом из них, является чрезвычайно важным материалом для лингвистического анализа с помощью сопоставительно-исторического метода. Отталкиваясь от общеизвестных принципов подхода к словообразовательному анализу, необходимо рассмотреть историческое развитие соотносительных словообразовательных типов прилагательных в близкородственных и «дальнеродственных» языках для подтверждения реальности того или иного процесса в каждом из них в отдельности. При этом выявление сходств и различий не является самоцелью сопоставительного исследования, поскольку во главу угла должно ставиться не статично-сопоставительное описание словообразовательных особенностей интересующей категории слов, а системно-функциональное сопоставление отдельной комплексной языковой категории (какой является, например, часть речи).

Привлечение балтийского материала (и прежде всего литовского) в ретроспективно-сопоставительном плане, оказывается чрезвычайно важным и для славянского и для балтийского материала. Интерес к литовскому языку, отличающемуся общеизвестной архаичностью, возник в лингвистике уже давно, «Литовский язык, – писал В.А. Богородицкий, – не только не уступает санскриту, но имеет явное преимущество перед последним в том, что это язык живой,

так что его можно наблюдать до мельчайших тонкостей» [4, с. 257]. О важности изучения литовского языка для «лингвистических целей» писал и Бодуэн де Куртене: «Из живущих в настоящее время арио-европейских языков литовский язык сохранил древнейшее состояние, как со стороны звуков, так и со стороны форм. В этом отношении он немногим уступает санскриту. Но изучение литовского языка для чисто лингвистических целей гораздо важнее изучения санскрита, а именно потому, что санскрит сохранился только в письменных памятниках, а литовский язык живет до сих пор в устах народа» [5, с. 32].

О том же сообщал в своем донесении ещё в 1840 г. Г. Прейс: «...язык сей (то есть литовский – Э.Б.) необходим для славянского филолога и принадлежит к важнейшим источникам и материалам для истории славянских языков» [6, с. 22].

Будучи удивительно архаичным, литовский язык сохранил такие особенности функционирования отдельных форм, которые неизвестны даже древнерусскому языку. Вот почему известный славист А. Гильфердинг писал: «Без литовского языка научное исследование славянского немыслимо, и одна из главных причин тех ошибок, в которые впадали некоторые наши ученые, рассуждавшие о законах и свойствах славянской речи, состоит именно в том, что они не брали в соображение фактов, представляемых языком литовским» [7, с. 367].

Имея в виду особую близость, существующую между славянскими и балтийскими языками и постоянно отмечаемую в работах разных исследователей, необходимо использовать данные старолитовского и современного литовского языка для указанного сопоставления. И здесь необходимо применение сопоставительно-исторического метода, поскольку сравнительно-исторический уже нуждается в каком-то серьезном дополнении.

Сравнительный метод, как известно, направлен на поиски сходных моментов в сравниваемых языках. «Сравнение может применяться для достижения двух различных целей, – писал А. Мейе, – чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения» [8, с. 11]. Поскольку нас интересуют не столько общие закономерности, сколько их сходство и различия в сопоставляемых языках, не столько исторические сведения, сколько их использование для объяснения сложных и спорных вопросов исторического функционирования отдельных словообразовательных типов в русском языке, то сопоставление становится историческим, а по мере необходимости и сравнительным. Вот почему многие лингвисты предлагают сравнительный метод на современном этапе развития языкознания назвать сопоставительным. По словам чешского лингвиста Д. Коллара, «в настоящее время сравнительный метод в отличие от предыдущего называемый сопоставительным или конфронтационным, или даже контрастивным, имеет целью выявить специфические и общие черты сравниваемых языков, причем генетическое родство не является решающим» [9, с. 97].

Целью сопоставительного исследования должна быть не простая регистрация сходного и в пределах словообразовательных структур разных языков, а выявление наиболее важных моментов всей словообразовательной системы прилагательных, объяснение наиболее существенных отклонений от исконных отношений, представленных в отдельных языках и т. д., то есть сопоставление должно быть историческим, раскрывающим процессуальный характер изучаемых явлений.

Сопоставительный метод обычно относят к синхронным, поскольку перед исследователем стоит задача обнаружения полного тождества или различий в существующих между языками соответствиях [10, с. 69]. При этом особого внимания заслуживают именно различия, объяснение которых невозможно без привлечения исторического материала. Поскольку сопоставлению подвергаются не единичные и разрозненные факты языка, а системы фактов и отношений, то выявление различного в их пределах, связанного со спецификой развития отдельных языков, объясняется различными тенденциями в формировании этих отношений. Определение исторических причин подобных различий помогает глубже понять специфику одного языка по отношению к другому или другим, с которыми и проводится сопоставление [11, с. 33].

Современных исследователей интересует уже не столько сопоставление систем на современном этапе развития языка, сколько элементы систем, рассмотренные в движении, в динамике, в исторической перспективе. Вот почему сопоставительный метод оказывается и историческим, и сравнительным одновременно, представляя собой своеобразное продолжение последнего на новом этапе [12].

Сохраняя свои незыблемые принципы (сопоставление должно носить системный характер, иметь определенную направленность и т. д., сопоставительный метод постоянно обогащается новыми положениями (сопоставление должно быть комплексным, историческим и т. д.), так как, по словам Р.А. Будагова, «исследователи стремятся не только описать наличные в языке структуры, но и понять пути их происхождения и формирования» [13]. Этот метод предполагает и изучение истории сравниваемых языков, и рассмотрение всякого данного состояния языка как продукта предшествующего развития [14, с. 35], и вскрытие тенденций в развитии, представляя собой синтез со сравнительно-историческим и его своеобразное продолжение на новом этапе.

Исследуя словообразовательные модели прилагательных в славянских языках и сопоставляя их с соответствующими моделями в славянских и балтийских языках, можно обнаружить достаточно много сходных моментов. Оно, правда, может быть провокационным, а потому нуждается в дополнительном комментировании. Это и естественно, поскольку детальное сравнение словообразовательных средств балтийских и славянских языков ещё не осуществлено. Это приводит к выявлению всё новых соответствий между словообразовательными формантами этих языков, причем, как верно заметил В.В. Мартынов, «никогда не может быть исключена возможность установления более полного соответствия между словообразовательными системами двух сравниваемых языков» [15, с. 121]. Главное заключается в установлении процессов развития соотносительных категорий, выявлении основных моментов сходства и различий в их пределах, определении глубинных причин тех изменений, которые здесь происходили. В этом отношении нам близка точка зрения К.Е. Майтинской. обосновывающей необходимость историко-сопоставительных исследований: «... в то время, как в сравнительно-исторических исследованиях основное внимание обращается на обнаружение истоков особенностей родственных языков, главной целью историко-сопоставительных исследований является установление процессов и их разновидностей, в результате которых в разных род-

ственных и неродственных языках возникали и развивались новые особенности» [16, с. 3].

Именно сопоставительно-историческое исследование помогает установить те процессы, которые связаны с общностью происхождения древнейших адъективных морфем, нашедших своеобразное продолжение в современных языках, процессов, индивидуальных для каждого из сопоставляемых языков, а различия в их пределах помогают объяснить то, что кажется загадочным или спорным в каждом из языков. В этом смысле особая роль отводится литовскому языку, который помогает глубже понять процессы, свойственные славянским языкам, поскольку он сохраняет отношения, уже утраченные славянскими языками, а потому предоставляет важные сведения для проверки истинности тех выводов и положений, которые связаны с анализом собственно славянского материала.

По мнению исследователей, в и.е. языке не было единого суффикса отглагольных прилагательных. Равнозначными по своему употреблению были наиболее распространенные адъективные суффиксы **-no-* и **-to-* [17, с. 96–97]. Получив свое дальнейшее развитие в отдельных языках, они превратились в продуктивные (или непродуктивные) оформители прилагательных и причастий, своеобразно взаимодействующих между собой на всем протяжении развития языка. В связи с этим изучение исторического процесса становления и развития этих отношений чрезвычайно важно для исторического словообразования, которое, как известно, относится к числу наименее изученных областей истории русского (и славянского) языкознания. Об этом ещё в 1962 г. писал известный польский лингвист Т. Славский: «К сожалению, полностью отсутствует историческое славянское словообразование» [18, с. 167].

Комплексный подход к изучению истории словообразовательных отношений в пределах тех или иных деривационных типов прилагательных предполагает не только диахроническое их изучение, но и сопоставление с данными близкородственных языков, где эти типы получили свое (и достаточно своеобразное) развитие. Комплексный подход предполагает и изучение основных тенденций в развитии адъективов, оформленных «контрастными» по содержанию морфемами. Если суффиксы прилагательных **-no*, **-to*, **-lo*, **-mo* относятся к числу древнейших отглагольных морфем, то суффикс **(i)sko*, очень ярко проявляющий свой отыменной характер во всех славянских (и балтийских) языках, относится к числу всё ещё «загадочных» морфем, по поводу происхождения которой лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению.

Особое значение имеют факты литовского языка для исторического словообразования любого славянского языка, и в том числе русского [19, с. 8], поскольку словообразовательные отношения выделяют балтийские и славянские языки из других ареалов индоевропейского [20, с. 63].

Однако на фоне всестороннего изучения балто-славянской проблемы словообразование остается наименее разработанной частью этой области компаративистики. При определении родства этих языков обычно не сравниваются их словообразовательные средства, хотя именно «формантно-функциональный состав и продуктивность словообразовательных средств оказываются весьма важными при генетическом соотнесении языков» [21, с. 9].

Область производства слов, как известно, достаточно самобытна и специфична для каждого из языков, но именно здесь наиболее ясно видны различия и сходства, являющиеся наиболее существенным свидетельством наличия или отсутствия родства и генетической близости.

Поскольку литовский язык, по мнению болгарского ученого В. Георгиева, «может в известной мере заменить незасвидетельствованный праславянский язык» [22, с. 10], то данные литовского языка помогают глубже и всестороннее осветить историю отдельных словообразовательных типов в каждом из языков, выявить их генетические особенности, определить исторические тенденции в развитии, подтвердить реальность того или иного процесса в каком-то отдельном языке.

Оставляя в стороне фундаментальные вопросы, связанные с выяснением балто-славянских языковых отношений, необходимо обратиться к тому подходу, который был предложен О.Н. Трубачевым на IX Международном съезде славистов: «Балто-славянскую дискуссию следует настойчиво переводить из плана слишком абстрактных сомнений в «равноценности» балтийского и славянского... в план конкретного сравнительного анализа форм, этимологии, слов и имен» [23, с. 239]. Этимологический подход к анализу форм и составляет основу сопоставительно-исторического метода, который помогает не столько в определении полного инвентаря балто-славянских аффиксов, к чему призывал в свое время И. Дуриданов [24], сколько в выявлении основных тенденций в развитии конкретных словообразовательных типов, общих для балтийских и славянских языков, что предоставляет особенно важный материал в плане выяснение истории развития этих типов в славянских языках и позволяет обнаружить те отношения, которые были свойственны этим языкам на более ранних этапах их развития.

В качестве сопоставительного материала могут привлекаться данные близкородственных языков: польского, чешского, болгарского и др., имеющих соотносительные словообразовательные типы прилагательных с общими по происхождению формантами. По верному замечанию П.С. Кузнецова, «мы имеем право сравнивать лишь такие морфемы родственных языков, которые обнаруживают определенные соответствия и могут быть возведены к общему первоисточнику как в структурном, так и в семантическом отношении» [25, с. 148]. Именно такими морфемами и являются **-no*, **-isko*, имеющие соответствия во всех славянских языках и являющиеся продуктивным средством формирования прилагательных (и причастий).

Сопоставление с литовскими адъективами, содержащими те же аффиксы, и сохраняющими многие древнейшие особенности в функционировании, позволяет глубже осмыслить то, что мы имеем в других славянских языках, ответить на целый ряд спорных вопросов, выявить глубинные причины развития отдельных словообразовательных категорий.

По мнению некоторых исследователей, в словообразовании славянские языки весьма существенно отличаются от балтийских [26, с. 281], при этом латышский и прусский языки «ближе» русскому, чем литовский [27, с. 80]. Однако наш материал позволяет усомниться в правильности высказанной точки зрения, так как именно в литовском языке можно обнаружить ближайшие соот-

ветствия исследуемым русским прилагательным. Что же касается латышского языка, то здесь сама категория прилагательных очень ограничена. Это прежде всего формы с временным и пространственным значением, не выдерживающие конкуренции с родительным определительным. В связи с этим единственным суффиксом, который нашел достаточно широкое распространение в пределах латышских адъективов, является **-isko*, точно соответствующий русскому *-ск-*. Все прочие аффиксы прилагательных предельно ограничены в функциональном отношении [28, 29], а потому лишь факты литовского языка, имеющего большинство суффиксальных образований адъективов, соответствующих славянским, представляют огромный интерес в сопоставительном отношении.

Следуя советам В.К. Журавлева и В.П. Мажюлиса, при подобном сопоставлении необходимо «показать на оси времени динамику не отдельного элемента, а целой системы» [30, с. 5], при этом под этой «системой» понимается соотносительность параллельно функционирующих в разных языках словообразовательных типов прилагательных, объединенных общностью происхождения и структурно-семантической близостью.

Как известно, в современной лингвистической науке существует не так много исследований, посвященных изучению каких-то словообразовательных категорий в сопоставительном плане. В связи с этим представляется чрезвычайно интересным представить в процессуально-сопоставительном плане некоторые генетически родственные словообразовательные структуры в русском и родственных языках. Именно к этому призывали на IX съезде славистов советские исследователи В.В. Лопатин и И.С. Улуханов в докладе, посвященном описанию сходства и различий в словообразовательных системах славянских языков [31]. По их мнению, «по мере накопления конкретных наблюдений в исследованиях, посвященных описанию словообразовательной системы отдельных славянских литературных языков, как в целом, так и частных звеньев этих систем, – усиливается потребность в осмыслении выявленных закономерностей с сопоставительных позиций» [31, с. 169]. Это необходимо для выявления универсальных и частных закономерностей славянского словообразования.

Одним из наиболее сложных вопросов современной сопоставительной лингвистики является определение родства языков на словообразовательном уровне. Использование сопоставительно-исторического метода помогает определить как общность происхождения тех или иных аффиксов, так и сходство в их функциональных особенностях, тенденциях в развитии и т. д. В качестве примера можно привести такие адъективные форманты, которые издавна образуют продуктивную группу слов с общим значением признака в славянских и балтийских языках. Историко-сопоставительное исследование прилагательных с важнейшими индоевропейскими морфемами помогает выполнить две важные лингвистические задачи: глубже высветить историю собственно славянских форм и одновременно представить их функциональные особенности на балтославянском фоне. При этом сходство или различия в тенденциях развития этих образований, своеобразие их исторических изменений позволяют выдвинуть новые критерии близости языков на словообразовательном уровне.

Так, функционирование адъективных суффиксов **-to*, **-sto*, история которых связана с именными основами при выражении степени наличия признака,

разделило славянские языки на группы, не соответствующие их генетическому родству. Одна группа языков активно использует производные суффиксы типа *-at-*, *-it-*, другая – типа *-ast-*, *-ist-*. Так, болгарский и чешский языки используют лишь суффикс *-at-* при самых разнообразных мотивирующих основах. Русский язык закрепил взаимодействие между формантами *-am-* и *-asm-* при соматической лексике (типа *бородатый* – *бородастый*), которое связано со степенью выражения признака, причем это взаимодействие практически неизвестно другим восточнославянским языкам. Но широта использования форманта *-asm-* при любых мотивирующих основах (включая даже адъективные) сближает такие языки, как белорусский, украинский и сербохорватский.

Все славянские языки могут быть разделены на две группы на основании преимущественного использования суффикса *-it-* или *-ist-*. Те языки, которые предпочитают лишь *-it-*: чешский, сербохорватский – находятся в меньшинстве. Другие же славянские языки активно используют вариант *-ist-* при разных мотивирующих основах. Межславянские соответствия типа русск. *мглистый*, болгарск. *мъглист*, польск. *mglisty*, но сербохорв. *магловит*, чешск. *mlhity* свидетельствуют о разной «приверженности» родственных языков тому или иному форманту. При этом остается нерешенным вопрос о происхождении суффикса *-st-*, появление которого, видимо, необходимо отнести к балто-славянской эпохе. В современном литовском языке формант *-st-*, не обладая особой продуктивностью, способен функционировать при адъективных основах для выражения степени или интенсивности признака типа *darbùs* – *darbštùs* «работящий, трудолюбивый». Он предельно отдален от соответствующего *-t-* и, видимо, связан с тем индоевропейским показателем степени, который мы обнаруживаем в целом ряде других индоевропейских языков (англ. *old* – *the oldest*).

Другим не менее продуктивным формантом, нашедшим распространение во всех славянских языках, является суффикс *-л(ый)*, *-ly*, который объединил в одну группу такие языки, как русский, польский и чешский, и в другую – белорусский, украинский и болгарский. Особенности развития форм на *-лый* в первой группе языков ставят под сомнение общеизвестное положение о причастном происхождении этих прилагательных. Это связано с преобладанием у них собственно адъективных признаков, независимых от видо-временных оттенков мотивирующего глагола. Эта особенность носит балто-славянский характер, поскольку современные литовские (и латышские) прилагательные с тем же формантом могут соотноситься с различными глаголами при выражении самых разнообразных оттенков отношения к действию: чаще всего это склонность к какому-либо действию или результативность. Они могут здесь использоваться параллельно с другими именными формантами. Например, литовское *kibùs* – *kibnùs* – *kiblùs* «прилипчивый» или латышское *dulls* «ошалелый» и др.

Вторая группа языков использует формант *-л(ый)* лишь как причастную морфему, что и заставляет исследователей определять эту морфему лишь как исконно причастную.

К числу причастных аффиксов относят обычно и формант *-м(ый)*, который в современном русском языке является оформителем как категории страдательных причастий настоящего времени, так и отглагольных прилагательных. При этом большинство образований на *-мый*, предельно продуктивных в науч-

ной и книжной сфере, содержат в своей семантике дополнительный модальный оттенок (долженствования, необходимости и возможности) при мотивации различными глагольными основами. Способность к выражению признака по недифференцированному отношению к действию позволяет характеризовать здесь прилагательные на *-мый* как собственно адъективы, лишь постепенно закрепившиеся в причастной сфере. Об этом же свидетельствуют и материалы русского языка более раннего периода. Приведенные особенности можно считать собственно русскими, поскольку другие славянские языки, и прежде всего украинский и белорусский, практически не используют этого суффикса. Западнославянские языки: польский и чешский – также не знают форманта *-ту*, который можно обнаружить лишь в единичных образованиях на более ранней ступени развития этих языков. В связи с этим особый интерес представляют данные современного литовского языка, который очень активно использует формант *-tas* при выражении самых разнообразных оттенков отношения к действию, выраженному производящим глаголом. К числу наиболее важных оттенков в семантике форм на *-tas* необходимо отнести те, которые лишены какого бы то ни было значения времени или залога и в сочетании с определяемым существительным называют время или место действия. Например, *paduodamasis laikas* «время, в течение которого должны быть поданы документы» и др. Материалы литовского языка лишней раз позволяют охарактеризовать «загадочные» формы с суффиксом **-то* именно как прилагательные по происхождению.

Родственные языки могут по-разному использовать не только древнейшие суффиксы, но и какие-то их варианты, оказывающие весьма существенное влияние на словообразовательные возможности современных производных прилагательных. Это в частности касается таких продуктивных образований, как формы на *-ный*, *-ну*, которые представлены во всех славянских языках. При этом обращает на себя внимание тот факт, что древнейший суффикс **-ino* мог искони выступать в двух вариантах: собственно *-ino* и мягкий вариант **-injo*. На славянской почве твердый и мягкий вариант приведенного форманта используется с разной степенью интенсивности, что позволяет объединить эти языки в особые группы. При этом особого внимания заслуживает вопрос о назначении древнейшего осложнения суффикса **-ino* указательно-относительным **-jos*. Так, чешский язык активно использует лишь мягкий вариант приведенного аффикса при любых мотивирующих основах. Это обстоятельство сближает его с современным литовским языком, который активно производит прилагательные с помощью суффикса *-inis* (образования на *-inas* здесь носят единичный характер). Польский же язык предпочитает твердый вариант этого форманта. В этом плане он гораздо ближе русскому языку, который чрезвычайно продуктивно производит прилагательные на *-ный* от основ самого разнообразного содержания и ограничивает возможности суффикса *-ний* основами определенного лексического содержания: это, как правило, пространственно-временные основы (*верхний*, *нижний*, *зимний*, *летний* и др.) и названия живых существ (*братний*, *матерний* и др.). Что же касается древнейшего осложнения исконного суффикса **-ino* соответствующим *-j-*, то лишь материалы литовского языка позволяют судить о назначении этого исконного осложнения. Для того

чтобы представить, чем же в принципе отличаются формы на *-inis* от соответствующих славянских образований, необходимо обратить внимание на ту особую функцию, которую выполняют прилагательные на *-inis* в современном литовском языке. Эти формы способны выражать указательно-выделительное значение, сходное с тем, которое некогда имели местоименные прилагательные в древне-славянском. Осложнение нечленных адъективных форм древнейшим *-jь* – один из важнейших процессов формирования прилагательных как самостоятельной категории в славянских языках. Но если в славянских языках этот процесс уже давно закончился, то в литовском он является живым и развивающимся. Местоименные прилагательные здесь (*įvardžiuotiniai būdvardžiai*) «имеют своей задачей указать, что среди предметов, наделенных некоторым признаком, выделяем какой-то известный предмет – этот, а не иной» [32, с. 111]. Формант *-inis*, осложняя основу мотивирующего прилагательного, выделяет определяемый предмет среди всех прочих по целому ряду признаков; величине, форме, цвету, сорту и т. д. Отсюда: *apvalūs* «круглый», но *apvalūsis – apvalinīs* «круглый как сорт». Ср.: *raštās apvalūs* «круглое бревно» но *apvalinēs replės* «круглые клещи» (как особый инструмент), *báltas* «белый», но *baltāsīs – baltinīs* «белый как сорт». Ср.: *baltā dróbė* «белое полотно», но *baltiniai obuoliai* «белые яблоки» (как особый сорт), *saldūs* «сладкий», но *saldūsis – saldīnis* «сладкий как сорт». Ср.: *saldūs pyragaičiai* «сладкие пирожки», но *saldiniai obuoliai* «сладкие яблоки» (как сорт) и т. д. Теми же особенностями обладают и прилагательные на *-inis*, мотивированные порядковыми числительными и наречиями: *septīntas* «седьмой», но *septintinis traukinys* «поезд, который отходит в семь часов», *apliūnk* «вокруг», но *apliūkinis kėlias* «окольный путь» и т. д. [33, с. 572].

Приведенное своеобразие литовского суффикса *-inis*, обладающего указательно-выделительной функцией, перекликается с теми же конкретизирующими особенностями суффикса *-n(ui)*, которые не совсем четко представлены в современных славянских языках (хотя и достаточно выразительны в тех чешских прилагательных на *-ní*, которые являются однокоренными по отношению к формам на *-ny*). Эту указательность можно обнаружить в древнерусских прилагательных на *-ний* типа *коньчьнии* – «находящийся в конце», «самый последний», *краинии* – «с самого краю находящийся», «предельный, высший» [34, с. 80–82].

Вот откуда у русских адъективов на *-ний* такая конкретность в семантике. Они почти не подвергаются переосмыслению, не развивают так называемых переносных значений, хотя окказионально способны приобретать морфологические признаки качественных прилагательных [35, с. 8]. Ограничение же функционирования этого суффикса пространственно-временными основами – один из многих случаев взаимозависимости словообразовательных и лексических факторов, относящихся к области грамматической лексикологии.

Таким образом, использование сопоставительно-исторического метода позволяет ярче осветить основные закономерности в развитии производных адъективов в родственных и близкородственных языках, первоначально недифференцированных в словообразовательном отношении, и объединить на этом основании отдельные языки в группы, не соответствующие их генетическому родству.

Summary

E.A. Balalykina. The role of the comparative historical method in the study of adjectival word-formation in kindred languages.

The article deals with the advantages of the comparative historical method in the study of adjectival word-formation in kindred languages and the languages with more distant relationships. As an example is given the analysis of the adjectival derivational structures with the ancient Indo-European suffixes *-no, *-to, *-lo, *-mo, *-isko in the Slavic and Baltic languages. The article contains many facts demonstrating similarity of the non-cognate languages on derivational level. The author proposes several hypotheses concerning the origin of some morphemes, particularly *-isko и *-sto.

Литература

1. Улханов И.С. Некоторые проблемы изучения словообразования славянских языков // Новые пути изучения славянских языков. – 1997. – С. 11–22.
2. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков // НДВШ. Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 3–14.
3. Нецименко Г.П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987.
4. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. – Казань, 1915. – 332 с.
5. Бодуэн де Куртене И.А. Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков. – СПб., 1882. – 56 с.
6. Донесение Прейса // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1840. – Ч. XVII. – С. 17–30.
7. Гильфердинг А. Литва и Жмудь // Собр. соч. – Т. 2. – 367 с.
8. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 100 с.
9. Коллар Д. К проблематике сопоставительного анализа словарного состава русского и словацкого языков // Československa rusistika. – 1973. – Т. XVІІІ, № 3. – С. 97–104.
10. Сятковский С. Основные принципы сопоставительного анализа языков // Русский язык за рубежом. – 1976. – № 4. – С. 69–73.
11. Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Русский язык в национальной школе. – 1962. – № 5. – С. 23–34.
12. Ткаченко О.Б. Проблемы сопоставительно-исторического изучения славянских языков // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 48–59.
13. Будагов Р.А. Система и антисистема в языке // Вопросы языкознания. – 1978. – № 4. – С. 3–17.
14. Крушевский Н. Очерк науки о языке. – Казань, 1883. – 149 с.
15. Мартынов В.В. Балто-славянский инновационный процесс в области именного словообразования // III Всесоюзн. конф. по балтийскому языкознанию. – Вильнюс, 1975. – С. 120–123.
16. Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М.: Наука, 1979. – 263 с.
17. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – 323 с.

18. *Slawski T.* Stan i zadania slowotwórstwa prasłowiańskiego // *Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego* – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962 – Zesz. XXI. – С. 161–169.
19. *Откупщиков Ю.В.* Литовский язык и праславянские реконструкции. – *Baltistika*. – X(I) – Vilnius, 1971. – С. 7–20.
20. *Откупщиков Ю.В.* Балтийский и славянский // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. К IX межд. съезду славистов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 53–66.
21. *Мартынов В.В.* Праславянская і балта-славянская суфіксальная дэрывцыя имен. – Минск: Наука и техника, 1973. – 60 с.
22. *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 317 с.
23. *Трубачёв О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // *Славянское языкознание. IX межд. съезд славистов*. – М.: Наука, 1983. – С. 231–270.
24. *Дуриданов И.* Някои особености развоја на именната суфиксальна система от балто-славянски към праславянски // *YII Międzynarodowy kongres sławistów w Warszawie. Streszczenia referatów i komunikatów*. – Warszawa, 1973. – С. 21–23.
25. *Кузнецов П.С.* Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания // *Вопросы грамматического строя*. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 140–172.
26. *Endzelīns J.* Darbu izlase. – 2 sēj. – Rīga, 1973. – 797 с.
27. *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. – Rīga, 1951. – 1100 с.
28. *Семенова М.Ф.* Русско-латышские языковые связи. – Рига, 1973. – 100 с.
29. *Клявиня С.* Сочетаемость и употребительность суффиксов имен прилагательных в латышском языке // *Varddaģinasanas problemas mūsdienā valodniecībā*. – Rīga, 1969. – С. 52–63.
30. *Журавлев В.И., Мажюлис В.П.* Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. – Вильнюс, 1978. – 64 с.
31. *Лопатин В.В., Удуханов И.С.* Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // *Славянское языкознание. IX межд. съезд славистов*. – М.: Наука, 1983. – С. 169–184.
32. *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. T. III. – Warszawa, 1957. – 377 с.
33. *Lietuvių kalbos gramatika. T. I. Fonetika ir morfologij*. – Vilnius: Mintis, 1965. – 752 с.
34. *Зверковская Н.П.* К вопросу о соотносительности суффиксов -ьн- и -ьн' - в древнерусском языке // *Исследования по исторической морфологии русского языка*. – М.: Наука, 1978. – С. 73–87.
35. *Архангельская Т.А.* Развитие лексико-грамматических свойств качественности у относительных прилагательных в современном русском языке. – М.: АҚД, 1972. – 23 с.

Поступила в редакцию
05.09.05

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка Казанского государственного университета.

E-mail: Emilia.Balalykina@ksu.ru